

СТОЯТЬ В БУРЕ

АЛЕКСАНДР
ЭЙРО

alexandre eyraud

СТОЯТЬ В БУРЕ

«Автор»

2026

eyraud a.

СТОЯТЬ В БУРЕ / а. eyraud — «Автор», 2026

Эта книга — искреннее и глубокое автобиографическое свидетельство. Александр с мужеством и открытостью делится своим жизненным путем, отмеченным манипуляцией, семейными конфликтами и эмоциональной зависимостью. Он погружает читателя в самую глубину человеческой психики и раскрывает невидимые механизмы токсичного влияния и его долгосрочные последствия. В течение многих лет автор жил с тихой, скрытой болью — болью ребёнка, выросшего рядом с токсичным родителем. Став отцом, он сделал всё возможное, чтобы защитить свою дочь и разорвать этот разрушительный круг. Первая часть книги рассказывает о детстве, отмеченном родительским отчуждением. Вторая — о пути мужчины, который отказался сломаться и выбрал путь восстановления. Эта книга адресована тем, кто страдал в тишине и сегодня стремится вернуть себе свободу, свою идентичность и внутренний свет. Это протянутая рука, путь к восстановлению и внутреннему миру.

© eyraud a., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение	7
Конец ознакомительного фрагмента.	33

alexandre eyraud

СТОЯТЬ В БУРЕ

СТОЯТЬ В БУРЕ

Моей дочери,

«Перверззы пытаются спровоцировать свою жертву на действия против них, чтобы затем обвинить её в «плохом» поведении — им нужно, чтобы жертва чувствовала себя ответственной и виноватой за происходящее с ними».

М.-Ф. Иригуэн

«Уважать другого — значит признавать в нём человека и осознавать причиняемые ему страдания».

М.-Ф. Иригуэн

В целях защиты частной жизни имена некоторых персонажей были изменены.

Введение

Часть I: Первые манипуляции Глава 1: Беспечность

Глава 2: Ложь и Отдел по делам несовершеннолетних Глава 3: Правда и скандалы

Глава 4: Переезд к отцу

Глава 5: Возобновление конфликта

Глава 6: Выигранный суд и начало профессиональной деятельности Глава 7: Смена обстановки

Глава 8: Отъезд на Восток Глава 9: Облечь боль в слова

Глава 10: Генеалогическое откровение Глава 11: Разрешение признать

Глава 12: Появление моей дочери

Глава 13: Новая ложь, история повторяется Глава 14: Процессуальный прогресс

Глава 15: Непостоянный контроль здоровья Элен Глава 16: Захват контроля над здоровьем Элен Глава 17: Ещё одно сбывшееся предсказание Глава 18: Друг Элен выведен из игры

Глава 19: Предложение о встрече

Глава 20: Разоблачение отчуждения собственности Элен Глава 21: Генеалогическая правда

Глава 22: Украина становится ближе

Глава 23: Заключение для Врачебной палаты Глава 24: Врачебная палата и конец 2022 года

Часть II: Вторая манипуляция Глава 1: Ветер перемен

Глава 2: Элен раскрывает карты

Глава 3: Моя дочь, вырванная с корнем

Глава 4: Заседание у судьи по семейным делам в сентябре 2023 Глава 5: Воссоединение дома

Глава 6: Я защищаюсь и контратакую Глава 7: Элен, парализованная страхом

Глава 8: Социальное расследование и психологическая экспертиза Глава 9: Противоречивые признания Элен

Глава 10: Мою дочь используют как оружие, подвергая насилию Глава 11: Результаты психологической экспертизы и социального расследования

Глава 12: Элен официально поворачивается против меня Глава 13: Лето 2023: повторный разбор

Глава 14: Заседание у судьи по семейным делам в июле 2024 Глава 15: Решение вынесено

Глава 16: Моя эмоциональная эволюция Заключение

Портрет

автора

Автор этой книги человек, прошедший через серьёзные жизненные испытания и использовавший этот опыт для осмысления сложных жизненных ситуаций. Это мужчина, столкнувшийся с манипуляциями и

эмоциональным контролем со стороны близких, но нашедший в себе силы противостоять этим вызовам и поделиться своей историей с миром.

Его голос в книге звучит искренне и мужественно, открывая читателю внутренний мир человека, извлёкшего болезненные жизненные уроки. Автор обладает наблюдательностью, аналитическим складом ума и талантом

объяснять сложные механизмы психологического влияния. Эти качества позволяют ему не просто рассказывать о прошлом, но и делиться ценными размышлениями, которые могут помочь другим людям в подобных ситуациях.

Автор человек сильной воли, который, несмотря на трудности, продолжает стремиться к свободе, справедливости и внутреннему равновесию. Его история не просто свидетельство, но и источник вдохновения для тех, кто хочет лучше понять себя и освободиться от токсичных отношений.

Литературный стиль автора отличается глубиной и эмоциональной насыщенностью. Его повествование богато яркими образами и тонкими

наблюдениями о природе человека. Это портрет мужчины, превратившего личную борьбу в инструмент помощи другим.

Введение

Моя цель в написании этой книги рассказать о внутрисемейной манипуляции. Я хочу раскрыть манипулятивные и нереверсивные поведения токсичных личностей в семейных кругах, чтобы каждый мог лучше распознавать их в собственной семье и понимать их влияние на людей,

ставших жертвами подобных манипуляций.

С детства и до начала взрослой жизни я сталкивался с двумя людьми, которых можно назвать токсичными личностями.

Мне потребовалось время, чтобы осознать, что это не просто вопрос характера. Затем ещё больше времени, чтобы признать правду и освободиться от этих людей ментально.

Я хочу поделиться этим опытом с как можно большим количеством людей. Я постарался привести как можно больше примеров и деталей, чтобы передать полную картину этого жизненного пути.

В главах книги вы узнаете о моём опыте как ребёнка, подростка и молодого взрослого. О том, как я научился называть эти поведения словами. И наконец какой путь я прошёл, чтобы освободиться.

В первой части вы увидите мир глазами ребёнка, каким я его воспринимал тогда, с его непосредственным воздействием, а также манипуляции и попытки отчуждения, которым я подвергался. Во второй части мой путь как отца, борющегося за права своей дочери иметь отца и спасающего её от множественных попыток родительского отчуждения и дегуманизации.

Эти люди, практикующие манипуляции, никогда не испытывали угрызений совести. Более того, они всегда отрицали реальность, избегая

ответственности. Они всегда оправдывали своё поведение нелепыми ложными объяснениями. Они всегда перекладывали вину на других. Они всегда заставляли другого чувствовать вину, стремясь доминировать. Они всегда изображали себя жертвами, чтобы лучше манипулировать.

Общение с такими людьми лишено естественных семейных чувств. В лучшем случае это похоже на разговор с чужими, в худшем на взаимодействие, полное недоверия. Чувства доверия и семейной любви исчезли очень давно.

Часть

I:

Первая

манипуляция

Глава 1: Беспечность

Я родился в октябре 1989 года в Париже. Я единственный ребёнок в семье среднего класса.

Мои родители происходили из совершенно разных миров.

Мой отец воспитывался в христианских традициях, где семья и традиции имели крепкие корни. Его родители были из скромной среды.

Моя мать, напротив, получила антихристианское воспитание от своей матери. Семья и традиции игнорировались или скрывались. Родители матери принадлежали к очень обеспеченным кругам западного Парижа.

Моё рождение произошло в сложных условиях. Мать родила в парижской клинике с задержкой в четыре дня от первоначально назначенного срока, что привело к осложнённым родам. После этого я провёл полтора месяца в отделении детской реанимации, прежде чем смог отправиться домой к родителям.

В этот период врачи сообщили моим родителям, что обстоятельства моего рождения спровоцировали эпилептические приступы. В последующие месяцы мои родители обратились к адвокату, специализирующемуся на медицинских правонарушениях, так как обнаружили серьёзные упущения со стороны клиники и принимавшего роды врача. Они решили подать на них в суд. Это положило начало долгому и трудному марафону.

Мы жили в квартире в 13-м округе Парижа, на юго-востоке столицы. Наш этаж был последним в доме, и из окна можно было увидеть Эйфелеву башню. Мать оставила работу до моих пяти лет, чтобы ухаживать за мной. До этого она работала клиентским менеджером в банке. Отец тоже работал в банке и часто возвращался домой ближе к вечеру.

Когда мне было три года, я познакомился с тремя подругами моей тётки по материнской линии. Именно они стали присматривать за мной. Их звали Адель, Эстель и Мари-Клод.

Первая была с Антильских островов, вторая испанкой, а третья парижанкой. Адель со временем стала близким человеком, которого я считаю членом семьи. Эстель и Мари-Клод превратились в подруг моей матери и исчезли из

моей жизни лет в десять. До сих пор я с теплотой вспоминаю Адель.

Со стороны матери у меня была тётка Жизель, врач, практиковавшая в 16-м округе, и бабушка по имени Элизабет. Дедушка по материнской линии умер до моего рождения.

Тётка играла большую роль в жизни матери и всегда имела на неё сильное влияние. Бабушку же я видел в основном у неё дома по особым случаям. О дедушке почти никогда не говорили тема казалась запретной, а мои вопросы откладывались на потом.

Бабушка жила в квартире на первом этаже дома в 16-м округе, в районе Ла-Мюэтт, окна выходили в сад. Каждое лето я проводил с ней время в её загородном доме на юге Франции.

Она была довольно холодным человеком. У меня осталось два воспоминания о ней до семи лет.

Одно семейный обед в её доме на юге. Бабушка усадила меня за отдельный столик, который называла «детским», в то время как остальные члены семьи сидели за большим столом. Я был единственным ребёнком, но так происходило при каждом визите.

Второе воспоминание поездки в Нормандию. Мы с бабушкой и тёткой зашли в блинную. Когда мой блин подали, тётка захотела отрезать кусочек. Я

отказался, желая съесть его целиком. Услышав это, бабушка велела официантке унести блин обратно на кухню. Я был ошеломлён никто так и не попробовал его, а официантка лишь развела руками.

Со стороны отца у меня были дядя и дедушка. Бабушка по отцовской линии тоже умерла до моего рождения.

Я не помню ни дядю, ни дедушку по отцу до семи-восьми лет. Мать «не любила» их, так что встречи были невозможны. Позже я узнал, что она запретила отцу их приглашать.

В два года я смутно помню, как мать, Элен, экстренно госпитализировали ей сделали операцию из-за болезни Крона. С тех пор Адель стала чаще заботиться обо мне. У меня сохранилось лишь смутное воспоминание о том, как мать уехала в машине сестры, и мне не разрешили навещать её в

больнице.

До пяти лет я не замечал ничего необычного в семейных отношениях.

Однако с этого возраста я стал проводить каждые выходные с матерью в квартире тёти, которая оставляла нам своё жильё. Я не помню, чтобы спрашивал почему. Тётя жила, как и бабушка, в 16-м округе Парижа. Её квартира находилась менее чем в десяти минутах ходьбы.

Дом тёти стоял в небольшом переулке. Чтобы попасть внутрь, нужно было спуститься по лестнице к домофону. Квартира состояла из гостиной-столовой с выходом на маленький балкон, спальни, кухни и ванной.

Мы приезжали туда утром в субботу, иногда вечером в пятницу, а отец забирал нас в воскресенье. По выходным мать, Элен, немного занималась со мной уроками, и мы встречались с её испанской подругой.

Особых скандалов между родителями в тот период я не припоминаю. Как-то раз мы с матерью подобрали на улице чёрного котёнка, которого нам отдал прохожий. В конце выходных мы забрали его к себе домой.

Ещё мне запомнился случай с туалетом в нашем доме. Однажды вечером мать, сходя в туалет, настояла, чтобы и я туда пошёл следом. Когда я

отказался, разразился скандал. Отец встал на мою сторону, и они поспорили, должен ли я идти в туалет или нет.

Только годы спустя я понял, что мать уже тогда переносила на меня все свои эмоции и ощущения. Если ей было холодно я должен был мёрзнуть. Если у неё болела голова я должен был жаловаться на головную боль. Для матери я был не самостоятельной личностью, а её продолжением.

Уже в старшей группе детского сада мать начала регулярно переводить меня из одного учебного заведения в другое причин я так и не узнал.

Глава

2:

Ложь

и

Отдел

по

делам

несовершеннолетних

В семь лет я учился во втором классе государственной школы в 13-м округе Парижа. Это было моё второе учебное заведение. Адель, подруга тёти, забирала меня после уроков, отводила домой и оставалась со мной до возвращения родителей с работы. Мы сразу нашли общий язык.

Однажды во время занятий мать отвела меня в полицейский участок в центре Парижа, рядом с собором Парижской Богоматери. Он располагался на углу старинного здания на набережной Сены. Не знаю, сколько часов мы там провели.

Зато я отчётливо помню, как меня одного, без матери, провели в кабинет. Полицейский установил передо мной камеру и стал задавать вопросы об отце о его поведении со мной. Я отвечал искренне, не понимая, что происходит.

Позже я узнал, что это здание принадлежало парижской Бригаде по делам несовершеннолетних.

В общей сложности меня трижды допрашивали в их стенах.

Спустя годы я узнал, что мать подала на развод, выдвинув против отца ложные обвинения в педофилии. Ещё позже мне стало известно, что поводом для этих обвинений послужило лживое письмо тётки Жизель на имя прокурора Республики, где она выступала как врач, а не как свояченица.

Всё это я узнал лишь спустя несколько лет. Ещё позже мне стало известно, что тётка по материнской линии рассказала о причинах развода знакомым журналистам чтобы публично опорочить отца. В печатных СМИ и на радио вышли соответствующие статьи.

В будущем я также узнаю, что со стороны материнской родни допрашивали мою мать, тётку, бабушку, их подруг и моего крёстного.

Со стороны отца давали показания он сам, дядя, его жена и мой дед.

Спустя несколько месяцев после моего допроса в 1997 году (этот период в памяти смазан) мы с матерью переехали в небольшую квартиру на третьем этаже скромного дома в 13-м округе. Подъём по узкой лестнице. Квартира состояла из прихожей с выходом на крохотную кухню и гостиной-столовой, переходящей в спальню. Окна выходили на большой парк.

Я понял, что родители развелись, но причины не знал. В последующие месяцы я не видел отца. Шло социальное расследование. Меня несколько раз вызывали на беседы в разные учреждения Парижа всё это из-за лжи, распространяемой тёткой под прикрытием врачебного статуса.

В тот период я часто виделся с тёткой и ездил на каникулы в клубы Club Med в Помпадур (Коррез), затем в Опию под Каннами и на Корсику. Были и заграничные поездки. Мать с тёткой делали всё, чтобы стереть отца из моей жизни.

Мне пришлось остаться на второй год во втором классе и перейти в школу в 5-м округе, возле площади Монж. Адель по-прежнему забирала меня после уроков. Мы хорошо проводили время вместе.

Я был прилежным учеником и легко находил общий язык с одноклассниками. Эта черта сохранилась до конца учёбы. Уже тогда я не терпел несправедливости и медлительности.

Внешне светловолосый, потом русский мальчик с голубыми глазами, уже с лёгким избытком веса. Мать постоянно винила в этом отца.

С того года мать решила заниматься со мной дополнительно каждый вечер. Сначала она попросила помочь сына своей подруги Жана. Контакт у нас так и не сложился. Потом приходили другие репетиторы.

Отца я видел раз в две недели по воскресеньям, всего на несколько часов и никогда у него дома. На восьмилетие он устроил праздник в ресторане на улице Муффтар (5-й округ) и подарил средневековую осадную башню Playmobil.

По воскресеньям мы также гуляли с дядей в Версале по парку дворца. Я виделся и с дедом: мы устраивали велогонки по аллеям. Как-то раз я даже сломал педаль. Позже отец подарил мне первый горный велосипед. С дедом у меня остались тёплые воспоминания.

Затем, перед моим девятым днём рождения, отец получил право забирать меня к себе домой. Он устроил сюрприз привёл меня в нашу бывшую квартиру, где мы жили до развода. Я был рад вернуться. Отец сделал ремонт, и мне очень понравились перемены. Тогда же суд разрешил оставлять меня у него через выходные с субботы с 12:00 до воскресенья до 20:00.

Возвращаясь после таких выходных, я с удовольствием рассказывал матери, как провёл время. Тогда у меня не было воспоминаний о какой-либо критике с её стороны относительно визитов к отцу или дяде.

Однако позже я узнал, что она подала суду ложное заявление. Утверждала, будто я жаловался, что дядя заставлял меня красить оконные рамы, стоя на внешнем водосточном желобе здания.

Как-то в гостях у отца он сообщил о смерти деда и подарил мне фоторамку с нашей совместной фотографией. Я принёс её матери по окончании выходных. Впоследствии рамка исчезла.

Летом в девять лет мать повезла меня в трёхнедельное турне по Канаде, взяв обещание не говорить отцу.

После каникул мы встретились с отцом у врача. Оставшись наедине в приёмной, я, сгорая от стыда, объяснил ситуацию и место отдыха. Он обрадовался, что мне понравилось, и сказал, что три недели не знал моего местонахождения. Я ответил, что сам увидел пункт назначения на табло в аэропорту.

Тактика «узнать о поездке у трапа самолёта» стала впоследствии стандартом чтобы я не мог предупредить отца о маршрутах.

Во время школьных каникул, которые делились пополам, я ездил с отцом по историческим местам Франции. Первое лето «Паи-дю-Фу» в Вандее. Потом были Верден, музеи Атлантического вала на севере, Эльзас. Мы начали читать вместе комиксы «Синие мундиры».

Возвращаясь от отца, окрылённый впечатлениями, я слышал от матери лишь:

«Ты всё время проводишь на кладбищах». В дальнейшем она обесценивала все наши поездки.

В те годы выходные с матерью проходили мирно. Мы лепили из глины, делали слепки, играли в настольные игры приятные воспоминания сохранились. Тогда же у матери, у Элен, я начал читать «Астерикса».

Жаль, что бесконечная критика отцовской семьи омрачила тот период. И ещё обиднее осознавать спустя годы, что мать использовала «эффект зеркала»: вслух жаловалась, будто родня отца её поносит, а на деле сама непрестанно

их поливала грязью приписывала другим собственные поступки.

Тогда же наши с матерью каникулы проходили преимущественно в клубах Club Med центральной и южной Франции. Она записала меня на уроки верховой езды с шести лет, и я часто занимался конным спортом.

Мне нравилось это занятие, хотя у меня начала развиваться аллергия на конский волос. Тем не менее, я продолжал заниматься до шестнадцати лет. В этом возрасте я решил бросить мне стало страшно садиться на лошадь. До сих пор не понимаю причин этого страха.

Но для моей матери Элен моё решение бросить было продиктовано не страхом, а волей отца. Она снова отрицала за мной право выбирать самостоятельно. И право на собственное существование.

В рамках судебного иска о врачебной халатности, который мои родители подали с помощью специализированного адвоката в связи с моими родами, в парижской больнице должна была состояться экспертиза с участием врачей и юристов той самой клиники. Заседание длилось целый день. Я присутствовал не на всём процессе.

В начале заседания я гулял в парке рядом с больницей с подругой матери Мари-Кристин.

Затем настала моя очередь пройти экспертизу. Осмотр проходил в больничном кабинете. Я сидел в первом ряду рядом с родителями и нашим адвокатом. Представители противоположной стороны с их юристами расположились сзади. Мне задали несколько вопросов и провели медицинский осмотр. Родители потребовали, чтобы все неумейки вышли из комнаты на время осмотра. Так и сделали.

Наш адвокат связывал мои трудности в учёбе и повторное прохождение второго класса с эпилепсией, тогда как юристы оппонентов утверждали, что проблемы вызваны семейной обстановкой. Они говорили о «взрывоопасной атмосфере» и причинах развода, настаивая, что именно это единственная причина моих учебных сложностей.

Им было легко это доказывать. Дело в том, что моя тётя по материнской линии Жизель активно освещала развод матери в СМИ, общаясь с друзьями-журналистами. Газетные статьи были доступны всем, и юристы противоположной стороны ими воспользовались.

Мать и её сестра, запутавшиеся в собственной лжи и жажде уничтожить отца, не подумали о последствиях для текущего судебного процесса. Это было удручающе.

Какое-то время у матери был партнёр по имени Франсис. Они познакомились в бистро «Ревель метён» на авеню Гобеленов, где она каждое утро пила кофе. Она представила его мне, и мы несколько раз проводили время вместе. Это был высокий брюнет с бородой, казавшийся мне приятным.

Мы ходили в рестораны, кино, ездили вместе в отпуск. Помню, он увлекался автогонками. Жил в маленькой квартире в 13-м округе, а над телевизором у него висел флаг «Формулы-1». Насколько я помню, мы всегда хорошо ладили.

Во время отдыха в клубе Club Med в Опио на юге Франции с матерью Франсис присоединился к нам на несколько дней, затем уехал обратно в Париж. После его отъезда мать Элен заговорила о нём и высказала своё мнение. Она сказала, что её друг положил диктофон в карман брюк. Я спросил, зачем. Она ответила: «Чтобы подслушивать, что я о нём говорю». Мать не показала мне этот предмет если он вообще существовал.

Когда мне было десять лет, мать переехала, чтобы жить ближе к сестре и своей матери в 16-м округе. Причину переезда она объяснила так: «Друзья уехали за границу и одолжили нам квартиру». Мать считала себя вправе лгать мне. Она не думала, что я заслуживаю правды о переезде. Это было удручающе. До сих пор не понимаю ни причины этой лжи, ни её смысла.

По просьбе матери я тоже сменил школу на частное учебное заведение в том же 16-м округе. Учениками там были дети послов, почти не говорившие по-французски, с типичным поведением богатеньких отпрысков. Мне это не нравилось. Из-за разницы в менталитете я чувствовал себя изолированным. Там мне пришлось повторно проходить пятый класс.

Зато в этой школе я научился играть в шахматы. Это был единственный плюс.

Домашние занятия у матери продолжились и даже участились по вечерам с новыми преподавателями.

Адель я видел каждый вечер. Она оставалась со мной с момента выхода из школы до начала уроков. Если мать уходила вечером, Адель оставалась и

после занятий. Мы всегда прекрасно проводили время: либо смотрели фильмы, либо болтали о всякой ерунде. Эти моменты до сих пор живут в моей памяти. Во время одной из таких бесед я признался ей, что хочу стать военным. Профессией, которой так и не занялся.

У Элен завязались отношения со вторым Франсисом невысоким мужчиной с седеющими волосами. Их роман быстро закончился. Он жил в Коломбе с сыном. Как они познакомились и почему расстались для меня осталось загадкой.

Типичная неделя у матери в тот период выглядела так: школа днём, домашние уроки вечером, а по некоторым вечерам она оставляла меня с няней, когда ходила на собрания благотворительных организаций. В выходные занятия возобновлялись в субботу и воскресенье утром.

Так мать начала свою благотворительную деятельность в рамках Lions Club и Rotary Club.

Однажды в доме бабушки я снова поссорился с матерью. Бабушка посмотрела на меня и сказала, что не хочет видеть меня полгода. Тогда я не воспринял это всерьёз. Несколько недель спустя, в машине с тётёй Жизель, я сказал, что хотел бы навестить бабушку. Она смущённо посмотрела на меня и ответила: «Но прошёл всего месяц, осталось ещё пять».

У отца по выходным мы занимались уроками в субботу, но без репетиторов. Остальное время посвящали прогулкам часто ходили в районе площади Монж и арен Лютеции.

Мать начала «забывать» о выходных у отца и планировала на эти дни мероприятия. Она устраивала так, что, когда отец приезжал за мной в субботу утром, мы уже собирались уходить. «Ты же не хочешь лишать его поездки?» говорила она. И отец уезжал один. Позже ему удалось добиться её осуждения за «неисполнение решения суда о порядке общения с ребёнком».

Я мечтал о собаке, и мать взяла её из приюта. Мы поехали за питомцем в приют под Мант-ла-Жоли и выбрали пятилетнего метиса спаниеля. Он умер у матери в восемнадцать лет.

Во время отпуска на севере Франции с отцом, когда мы возвращались в отель после экскурсии, я спросил его в машине: правда ли, что он хотел отдать меня в социальную службу (DASS), если я перееду жить к нему. Я объяснил, что мать мне так сказала. Он твёрдо ответил, что это неправда.

В тот же день я спросил у него и о настоящих причинах развода. Он рассказал мне всю правду о ложных обвинениях, которые против него выдвигали. Тогда я понял, почему в семь лет меня допрашивали в Отделе по делам несовершеннолетних и задавали такие странные вопросы.

Позже, после каникул, когда нужно было возвращаться к матери и тётке, я не хотел их приветствовать. Отец отвел меня в сторону и объяснил: даже если они распространяли клевету, при встрече я обязан был поздороваться.

Глава

3: Правда

и

скандалы

В тринадцать лет я поступил в шестой класс колледжа в 16-м округе Парижа. Это было небольшое частное католическое учебное заведение в районе Трокадеро.

Вход был через высокие зелёные ворота во внутренний двор. Главное здание в глубине имело четыре этажа. Здесь учились дети из разных социальных слоёв мне это нравилось больше, чем окружение детей дипломатов. Я стал реже видаться с Адель, поскольку после уроков возвращался с одноклассниками.

В середине года одна ученица из моего класса украла мой кошелёк из раздевалки, забрав несколько евро. Хотя она сама признала это в кабинете директора, мать почему-то решила, что кража дело рук другой девочки, Люси.

Она так поверила в свою выдумку, что пришла после уроков, чтобы ей указали на эту девочку. Увидев Люси, мать устроила ей скандал. Я наблюдал за этим с отвращением. Мне было невыносимо стыдно за эту сцену у колледжа, да ещё в мой первый год обучения.

Через несколько месяцев отец вызвался сопровождать школьную экскурсию. Я представил ему ту самую Люси. Она взглянула на нас и пробормотала:

«Кажется, мне не стоило сегодня приходить» — боялась новых нападок со стороны моего второго родителя. Позже она призналась, что даже не рассказала семье о произошедшем.

Я посещал уроки катехизиса и по собственному желанию принял первое причастие в конце года.

С этого момента скандалы с матерью участились, становясь ежедневными. Поводом для конфликта могло стать что угодно: громкий звук телевизора, неприготовленный вовремя ужин. Споры длились часами, перескакивая на темы домашних занятий, отца, моих книг или мест отдыха с ним.

Неделя делилась между уроками в колледже и домашними занятиями у матери. Каждый вечер два, а потом и четыре часа дополнительных уроков. В среду утром колледж, после обеда ещё два часа занятий у неё.

В выходные: два часа уроков утром в субботу и воскресенье. В субботу днём я навещал тётку, а вечером она с мужем приходили к нам они боялись, что, если мы останемся с матерью одни, вечер закончится ссорой. В воскресенье после занятий мы шли в ресторан на обед, а затем я снова проводил день с матерью.

Все было устроено так, чтобы сократить время наедине с ней и избежать прямых конфликтов. Заодно её сестра демонстрировала: «благодаря ей» мать может спокойно общаться с сыном. Тётка вновь примеряла роль «спасительницы».

Ссоры чаще вспыхивали по будням, вечером после домашних уроков, когда мы оставались одни. Нередко я оказывался в пижаме на лестничной площадке после особенно жарких разборок.

По субботам мы иногда всё же ходили с матерью Элен в кино в аквабульварском кино-театре в 15-м округе. Скандалы начинались, когда мы ждали такси обратно.

Помню, как она, увидев у меня в ухе наушник, набросилась на улице с криком: «Опять твой отец на телефоне?!» Я рассмеялся и показал ей МРЗ-плеер я просто слушал музыку в ожидании такси, а не звонил отцу. На это ей уже нечего было ответить.

В тот период мать снова стала твердить, что отец её очерняет во время моих выходных у него. На деле же она обвиняла его в том, что делала сама — классический пример психологического «эффекта зеркала» или инверсии ролей. К тому же она никогда не присутствовала при наших встречах с отцом, так что её домыслы были чистой ложью.

Места поездок с матерью или тёткой от меня намеренно скрывали лишь бы отец не узнал. Я узнавал о направлении отпуска только в день вылета, да и то по табло в аэропорту.

Из-за этого случались курьёзы с одеждой. Как-то на Антильских островах при +32°C у меня не оказалось шорт, а в Норвегии при +12°C пришлось срочно покупать тёплую куртку. Раз не знал маршрута не мог собрать чемодан.

Годы спустя за ресторанным ужином тётка Жизель открыто признала: это делалось специально, чтобы отец не знал, куда я лечу, хоть я и был несовершеннолетним. Её ничуть не смущало, что он так и не узнал моих отпускных маршрутов. Мать, сидевшая рядом, даже после её признания продолжала всё отрицать.

Новшеством того года стали визиты к психологам. Каждые два месяца меня водили к новому я объездил пол-Парижа (16-й, 15-й, 17-й, 8-й, 7-й округа), встречая одинаковое количество мужчин и женщин. Как мать их находила загадка.

Сеансы были по средам после домашних уроков. Я ходил один и по дороге звонил отцу. На приёмах мне никогда не о чем было говорить.

Однажды я попросил мать сопроводить меня. Ответ был категоричным: «Я не пойду, я же не сумасшедшая». Приятно, конечно, в четырнадцать лет слышать от матери, что ты псих.

Иногда сеансы отменялись. Мать просила репетиторов занять меня чем-нибудь мы готовили или гуляли. Это проходило без эксцессов.

А вот выходные у отца всегда были прекрасны. В тот год отец помог мне подготовить доклад о Древнем Египте.

Летние каникулы я провёл с матерью в круизе из Венеции. Зайдя в каюту, я тут же схватил телефон, чтобы сообщить отцу о прибытии. Разразился

скандал она запрещала этот звонок. Попыталась вырвать аппарат, но я выскользнул в коридор.

Мать бросилась вдогонку, затем резко замерла. Обернувшись, я расхохотался: в пылу борьбы она выскочила босиком, забыв ключ от каюты. Дверь захлопнулась, и ей пришлось в таком виде идти на ресепшен за дубликатом.

В пятом классе атмосфера не изменилась. Но теперь мобильник мне вовсе запретили боялись общения с отцом.

После уроков я искал телефон-автомат, звонил ему и диктовал номер будки, чтобы он перезванивал так экономнее. Та же история повторялась утром,

когда тётка подвозила меня к школе. Домашний телефон тоже не был выходом: мать всегда находила способ сорвать разговор.

В том году в школе начали факультатив по латыни. Мать наложила вето, объявив предмет бесполезным. Почему осталось загадкой. Да и мне самому язык не был интересен.

С датами встреч с отцом мать теперь не путалась. Время его приезда соблюдалось, правда, с переменными опозданиями.

На том Рождестве я не видел бабушку по матери. Отец удивился: хоть мы редко встречались в году, праздник традиционно отмечали у неё, хотя она, как я позже понял, терпеть не могла христиан. Оказалось, она уже умерла.

Как-то тётка попросила помочь разобрать бабушкин кабинет он находился напротив её клиники на первом этаже жилого дома близ авеню Мазар.

Объяснила, что бабушка «больше не вернётся», и теперь она «в доме отдыха». Мы готовили мебель для вывоза коммунальными службами, за что мне заплатили сорок евро. Правду, как всегда, скрыли.

Через несколько дней к нам переехал бабушкин старый пудель, вскоре скончавшийся от старости. Пёс не ужился с нашим спаниелем и котом. Мне сказали, что его некому держать ведь бабушка «в доме отдыха». Про себя я гадал: долго ещё меня будут считать дураком?

Позже объявили о поездке на юг Франции на Троицу мы с матерью, тёткой и бабушкиным псом должны были разобрать её загородный дом под Каннами, куда она «тоже не вернётся».

Вылет назначили на вечер пятницы. В аэропорту нас провожал сожитель матери. В аэропорту Шарль де Голль тётка обнаружила, что мать перепутала

аэропорты мы должны были вылетать из Орли. Самолёт мы уже не успевали. Между сёстрами вспыхнула ссора, и мать в сердцах отказалась лететь.

Мы с тёткой и собакой на аэропортовом шаттле добрались до нужного терминала, купили новые билеты на последний рейс в 23:30. Но тут выяснилось, что нет переноски для пса. Пришлось срочно покупать.

В Ницце взяли машину напрокат. Подъехав к бабушкиному дому глубокой ночью, с удивлением обнаружили, что код домофона сменили. Нового тётка, конечно, не знала.

В два часа ночи начались поиски отеля, где пускают с собаками. К счастью, свободные номера нашлись сразу. Гостиница оказалась комфортной, и мы мгновенно заснули.

Утром с помощью соседа попали в подъезд и узнали новый код. Приступили к разбору гардеробов на очистку квартиры отдавалось три дня. Работы

хватало: куча старых вещей, мебель, требующая разборки.

Не прошло и часа, как тётка позвала меня: её мобильник не включался. В одиннадцать утра мы отправились искать салон SFR. В итоге она купила новый телефон и дозвонилась матери.

Та, мучимая чувством вины, хотела срочно вылететь к нам, сожалея о вчерашнем капризе. Тётка её отговорила. Днём она решила сводить меня в музей развеяться перед вечерним штурмом мебели, чтобы успеть к концу выходных.

Мать в это время начала встречаться с неким Пьером-Андре высоким седеющим мужчиной с худым лицом. Он работал возле Елисейских Полей, имел двух тридцатилетних детей. Мы сталкивались пару раз, но взаимной симпатии не возникло.

Как-то, шалая, я залез в её телефон и обнаружил, что номер отца сохранён под именем «Сатана». Это меня глубоко шокировало.

Ссоры с матерью возникали где угодно дома, на улице. Уличные спектакли были особенно эффектны: она переходила на другую сторону и продолжала орать мне свои претензии

через дорогу, гордо удаляясь. Мне казалось, она сама выставляет себя на посмешище в своём 16-м округе ведь моим районом был 13-й.

В тот год психологи менялись часто. Я ходил на сеансы, как на скучные дополнительные занятия, без интереса.

Однажды мать сказала, что мы зайдём в Fnac за компьютерными играми, а потом к её подруге на аперитив. После магазина мы вошли в роскошный дом.

Нас встретила женщина, показала комнату для ожидания. Я понял, что это не подруга, а какой-то специалист, но кто именно было неясно. Мать уткнулась в бумаги, что-то писала, не глядя на меня. Через момент нас пригласили в

кабинет. Она представилась психологом и спросила о цели нашей сегодняшней встречи.

Мать молча протянула ей стопку только что исписанных листов, заявив, что там всё объяснено. Психолог посмотрела на нас и ответила, что устное объяснение было бы проще.

Я взял слово, заявив, что не подозревал о визите к психологу мать говорила о бокале вина у подруги. И добавил, что, если бокала не будет, я уйду.

Психолог удивлённо подняла брови: «Никакого бокала сегодня не планировалось». Я натянул куртку, поднялся и вышел. Не знаю, что она

сказала матери, которая позже спустилась ко мне вниз, чтобы ехать домой. Больше я эту женщину не видел.

Вскоре я начал посещать другого психолога у Трокадеро опять-таки без всякого желания.

В конце концов я перестал ходить на сеансы. Психолог звонил матери, сообщая о моих прогулах. Та заявила: если не хочешь посещать объяснись с ним сам по телефону. Я отказался начисто зачем оправдываться за навязанные встречи? Когда мать набрала номер и сунула мне трубку, я перерезал шнур ножницами. Точка. Мать смотрела на меня ошарашенно, но разговор не состоялся.

Летние каникулы: неделя у подруги на юге Франции, затем неделя в Турции с матерью. Последняя прошла в жуткой атмосфере она не прекращала поливать отца грязью. Скандалы вспыхивали ежедневно.

В восьмом классе у меня появился мобильник, и телефонные будки для звонков отцу стали не нужны. Почему мать вернула мне телефон осталось загадкой.

Домашние скандалы усиливались. Несколько раз я приходил в колледж без голоса сорвал его в ночных криках. В другие дни являлся измотанным: мать, не в силах остановиться, отправляла меня ночевать к своим друзьям. Там мне приходилось спать на полу «чтобы не испортить диван». Ни мать, ни тётка не видели в этом ничего предосудительного.

Глава

4:

Переезд

к

отцу

После пятнадцатилетия я написал письмо в суд по семейным делам с просьбой разрешить мне жить с отцом.

В конце учебного года мне назначили встречу с судьёй. Мать забрала меня с уроков в пятницу, и мы поехали в суд с её сожителем.

Судья дородный мужчина с круглым лицом при моём входе сказал: «Твоя мать нарисовала тебя исчадием ада. Хочу составить собственное мнение». Мнение сложилось быстро: через сорок пять минут я выходил из кабинета, получив указание «подождать три недели перед переездом к отцу».

В тот вечер мать сохраняла спокойствие, но на следующий день всё взорвалось. После обычного дня с тёткой я вернулся домой и скандал начался под предлогом, что я «не успел накрыть на стол».

Она не пережила моего решения. Оскорбления лились рекой. Она кричала:

«Будь ты моей подругой, я бы плюнула тебе в лицо!», «Ты предал меня, донёс судье, ты второй отец!» и заодно «второй Гитлер». Раз уж пошла такая пьянка, мелочиться не стоило.

Я парировал каждое обвинение. В конце концов она схватила телефон, позвонила своему другу Пьеру-Александру и потребовала, чтобы тот пришёл

«проучить» меня, а то и дать пощёчину.

Я решил уйти. Если бы сожитель матери попытался применить силу, это неминуемо привело бы к драке.

На улице я тут же позвонил отцу, подробно всё рассказал. Он велел не оставаться одному и дожидаться его у кого-то из одноклассников. Первая подруга, жившая в двух кварталах, не ответила я оставил сообщение на автоответчик. Вторая, в четырёх станциях метро, пригласила зайти, предупредив, что родителей нет дома.

В её квартире меня встретили ещё трое наших одноклассниц успокоили, поддержали. Вскоре вернулись родители хозяйки и разрешили ждать отца.

Каково же было наше удивление, когда, открыв дверь, отец узнал в хозяине старого друга, не видевшегося с ним двадцать лет. Случай привёл меня в дом его приятеля.

Перед возвращением к матери отец настаивал на заявлении в полицию. Около одиннадцати вечера мы пришли в участок 16-го округа на авеню Мозар. Пока один офицер записывал наши объяснения, второй вдруг спросил моё имя и сообщил, что мать находится в другом отделении в управлении судебной полиции того же округа. Оказывается, она заявила, будто отец похитил меня прямо на улице. Нас попросили пройти туда для совместного разбирательства.

Полночь. Комиссариат на улице Фезандери, у Порт-Дофин. Нас оставили ждать на лестничной площадке. Полицейская разъяснила: поскольку я несовершеннолетний, допрашивать меня должны в присутствии родителя.

Я согласился и пошёл за ней. В коридоре мельком увидел Пьера-Александра тот сидел один в соседнем кабинете. В качестве сопровождающего полицейская выбрала мать.

Войдя в крохотный кабинет, я застал её уже там. «Ты рассказываешь друзьям, что я психичка!» завопила она. Я сел, совершенно растерянный. Полицейская объяснила: мать дала им номер одной из сегодняшних подруг, та подтвердила, что я сам направляюсь в полицию, но добавила: «С его

матерью явно что-то не так».

Допрос начался. Я отвечал на бесконечные вопросы, игнорируя провокации матери, сидевшей в тридцати сантиметрах. Услышав про угрозу избиения, офицер заподозрил меня во лжи особенно когда я упомянул, что едва не пырнул сожителя матери. Тогда я вынул нож и положил на стол.

Ошарашенная женщина спросила, где я хочу провести остаток выходных у отца или у матери. «У отца», ответил я.

Она взглянула на мою мать и сказала: «Либо он идёт к отцу, либо сегодня же ночью отправляется в приют». Мать согласилась, чтобы я пошёл к отцу.

Тот ждал меня в коридоре. Полиция велела ему привести меня обратно к матери в понедельник к девяти утра. Мы покинули участок в три часа ночи.

Воскресенье прошло в отдыхе. В понедельник утром, к назначенному сроку, я вернулся к матери начинались школьные каникулы. На неделю я уехал с тётей в гостевой дом.

Атмосфера была спокойной, пока она не застала меня за телефонным разговором с одноклассником. «Тебе нравится поливать грязью собственную мать?» бросила она. Тётка решила, что я говорю с отцом.

В день, когда отец должен был забрать меня к себе, всё пошло наперекосяк. Мать устроила настоящий спектакль.

До последней минуты она отказывалась отдать мою медицинскую карту. В тот день ближе к вечеру я был у тёти. Её сожитель подвёз меня к матери на машине. По дороге он спросил: «Ну чего она пристаёт с этой картой?» Тётя промолчала. Тогда я подумал, что этот мужчина не лишён здравого смысла. Позже мне предстояло узнать, что он всего лишь безвольный подкаблучник.

После долгих препирательств с нами и с сестрой мать согласилась отдать карту при условии: я должен подписать расписку о получении документа. Той ночью я ушёл только после этого.

С паспортом вышло иначе мать заявила, что не может его найти. Через несколько месяцев я заявил о пропаже и получил новый. В тот вечер она также запретила взять одежду и личные вещи, которые я хотел забрать к отцу.

Сборы заняли пять минут. В рюкзаке оказались только учебники и стопка журналов «RAIDS» про спецназ. Я ушёл в том, что было на мне, бросил сумку в багажник отцовской машины. Мать посмотрела на него и сказала:

«Доволен? Вот тебе и месть».

Несмотря на обстоятельства, я чувствовал себя свободным. Теперь всё должно было измениться. Для меня свобода тогда, да и сейчас это осознанный шаг в неизвестность. После жизни под контролем я жаждал её как воздуха.

График посещений изменился: теперь я виделся с матерью через выходные.

По пятницам утром я уходил от отца с собранным рюкзаком, оставлял его в дальнем углу класса. Вечером приходил к матери до воскресенья.

Занятия шли по субботам и воскресеньям утром. В субботу днём полагался поход в кино.

В конце учебного года наш класс поехал на экскурсию в уголовный суд Парижа в рамках уроков гражданского права мы должны были посетить открытые заседания. Отец был одним из сопровождающих. В тот день я радовался двум вещам: провести время с ним и оказаться в суде не из-за матери. Всё прошло хорошо класс разделили на группы, которые распределили по разным залам.

Следующей осенью я перешёл в девятый класс.

Видеться с матерью я теперь должен был раз в две недели и половину каникул. Я перестал ходить к психологам. Прекратил все дополнительные занятия у матери, кроме уроков математики. Единственным плюсом этих занятий было знакомство с преподавателями хотя их задача, конечно, заключалась не в том, чтобы становиться моими друзьями.

В том году мне предстояло пройти обряд конфирмации, но у матери были другие планы. Она настояла, чтобы я записался на курс «религиозной культуры» вместо школьных занятий по катехизису. В результате я не смог ни подготовиться, ни принять конфирмацию. На этих уроках я сидел рядом с подругой Люси убеждённой атеисткой. Меня это не интересовало и ничему не научило.

Ежегодные родительские собрания в колледже мать использовала для новых нападок на отца. Мои плохие оценки она объясняла тем, что я якобы не занимался у него. Сам я присутствовал на собраниях в шестом, седьмом и девятом классах.

На встрече в девятом классе мне особенно запомнилось, как учительница английского поставила мать на место. Педагог рассказала, что три выходных подряд я приходил по понедельникам с невыполненными заданиями. Мать тут же обрадовалась: «Не удивительно у отца он никогда не учится!» На что преподавательница парировала: я сам подошёл к ней в понедельник утром, чтобы объяснить ситуацию. И добавила: «Кстати, ваш сын specifically mentioned, что все эти три уик-энда провёл с вами или тётей на юге Франции».

Спустя несколько месяцев я снова спросил мать, когда увидим бабушку. Однажды за обедом в ресторане «Le Stella» в 16-м округе мы сидели на втором этаже она сообщила о смерти своей матери. По словам матери,

бабушка скончалась полтора года назад.

Я спросил, почему она так долго скрывала это. «Не хотела расстраивать ты был ещё маленький», единственное, что она ответила. Отец же, для сравнения, сразу сообщил о смерти деда, и мы вместе поехали на кладбище.

Настоящая причина была в другом. Мать исходила из того, что я всё рассказываю отцу. Значит, узнай я о смерти бабушки, он тоже бы узнал. И что в этом плохого? Но нужно понимать, чего она боялась. Её терзал страх, что размер алиментов уменьшат отец мог подать на пересмотр выплат после наследства, которое она получила после смерти матери. Эту идею ей подбросила сестра. Так что скрывает она смерть бабушки по просьбе тёти.

Осознав весь цинизм ситуации, я был потрясён. С молчаливого согласия сестры мать лишила меня возможности проститься с бабушкой. На мой

взгляд, они обе проявили неуважение и к покойной, и ко мне. Всё из-за денег. Внук не смог отдать дань памяти родной бабушке из-за алиментов.

Через несколько месяцев мы с матерью ехали в машине тёти, когда та завела разговор о новом ухажёре ником Жильбере, которого я ещё не знал. Мать стала отговаривать сестру от этих отношений.

Тётя потребовала объяснений. Между ними вспыхнула ссора. Мать парировала: «Он хищник и собирается присвоить всё наследство твоей матери». Я рассмеялся про себя: «Наконец-то речь не об отце».

Тётя разозлилась и пригрозила бросить машину посреди Булонского леса. Я сказал: «Если бросать машину я тоже выхожу». В последующие годы мать будет презирать нового спутника тёти, считая, что тот отнял у неё сестру.

В конце года я не получил аттестат об окончании колледжа.

Мать записала меня в корсиканский Яхт-клуб Гленан на летние каникулы. Я по-прежнему не любил этот вид спорта. Там я познакомился с симпатичным парнем из Тулузы, двумя миловидными голландками и совершенно двуязычным немцем.

После лета мать рассталась с Пьером-Андре из-за каламбура, который ей не понравился во время поездки на машине!

Глава

5:

Возобновление вражды

Последующие два года я готовился к получению профессионального аттестата (ВЕР) в профессиональном лицее 14-го округа. Учёба шла неплохо, но не увлекала. Специализацию по ВЕР порекомендовала директриса колледжа. Этот выбор не понравился матери, и вскоре она решила, что инициатива исходила от отца.

В первый год ничего примечательного не случилось. Я сохранил график: через выходные у матери и половина каникул. В пятницу я уходил из лицея с рюкзаком прямо к ней. По субботам и воскресеньям утром по-прежнему шли пресловутые домашние уроки.

Атмосфера в лицее была неоднозначной. Я не ладил с большинством одноклассников, но неожиданно встретил девушку из моего девятого класса.

Также я подружился со старшеклассником по имени Дени. У нас оказалось много общего. Спустя годы после лицея он остаётся одним из моих друзей.

Мне повезло друзей у меня мало, но все проверенные и надёжные. Мы можем не видеться годами, но связь остаётся прежней.

Адвокат, ведущий дело о врачебной халатности при моих родах, вызвала нас на встречу. Она предупредила, что после моего восемнадцатилетия назначена экспертиза, чтобы оценить стабилизацию эпилепсии.

Адвокат попросила меня весь год посещать психолога, чтобы снизить накал с матерью. Я согласился и каждую среду ходил к психологу в центре Парижа. Эти визиты были пустой тратой времени и денег: специалист молчала, и я тоже. Так прошёл целый год.

В начале второго года в лицее мне исполнилось восемнадцать. Я сказал отцу, что больше не хочу ездить к матери по выходным. Он посоветовал не рвать контакты окончательно, считая важным поддерживать связь. Я продолжил видеться с ней через выходные.

После совершеннолетия мы вечером встретились с адвокатом для подготовки к медицинской экспертизе. Её офис располагался на первом этаже буржуазного дома у площади Бастилии. На этой встрече присутствовали мать, отец и я.

Адвокат объяснила, что после экспертизы она представит суду заключение с требованием финансовой компенсации за причинённый ущерб. Она задумалась, не стоит ли для убедительности ходатайствовать о моём

помещении под попечительство меру, применяемую к юридически недееспособным совершеннолетним.

Тогда я не до конца понимал суть этой процедуры, но сама идея прослыть

«недееспособным» возмущала меня принципиально.

Я решительно возразил. Отец молчал, а мать тут же ухватилась за предложение. Мы вышли оттуда в состоянии скандала.

Через несколько месяцев экспертиза состоялась в больнице 12-го округа возле станции Пикпюс. Присутствовали несколько врачей-экспертов,

представители противоположной стороны с адвокатами, мои родители, наша адвокат и я. Двухчасовая процедура включала череду вопросов. Стратегия оппонентов не изменилась: все мои проблемы, по их мнению, проистекали из семейных конфликтов.

После заседания, когда мы с матерью начали перепалку в больничном коридоре, адвокат поспешно увела нас, чтобы противная сторона этого не заметила.

Мать познакомилась с неким Бенуа мужчиной постарше с хорошим положением. Высокий, худощавый, с проседью. Они часто встречались по выходным. Я увидел его вечером в ресторане 16-го округа, куда пришёл к матери. Через несколько месяцев они решили познакомиться меня с его дочерью. Девушка казалась симпатичной, но взаимного интереса не возникло. Больше мы не виделись.

Я часто гулял с друзьями и пропускал занятия, несмотря на замечания отца. Провалил выпускной экзамен ВЕР, и лицей предложил мне найти другое учебное заведение.

В начале лета отец устроил меня в бургундский интернат. Мне предстоял год в Осере для пересдачи ВЕР. Новый опыт оказался крайне поучительным.

Пять дней в неделю в интернате, выходные у отца или матери.

Учебный год начался, когда мне только исполнилось девятнадцать. Пришлось привыкать к строгому распорядку подъёмов и отбоев, осваивать жизнь в коллективе. Быстро подружился с учениками обычного лицея, а не профессионального, где учился.

В поездках по пятницам и воскресеньям я снова начал читать французскую историю и детективы.

Тётя с матерью иногда навещали меня по средам после уроков. Чтобы я охотнее соглашался, они брали с собой подругу Адель. Мы обедали вместе в городских ресторанах.

Через два месяца после начала учёбы отец получил повестку в районный комиссариат. Он догадывался, что это как-то связано с матерью, но не понимал, как именно.

Отец взял утро отгула. В кабинете полицейский объяснил, что мать подала заявление в журнал учёта. Она утверждала, что отец устроил меня в

интернат, чтобы отдалить от неё. Он возразил, что мне уже девятнадцать я совершеннолетний и сам решаю, что делать. Объяснил, что интернат нужен для окончания учёбы. Добавил, что я хотел прекратить общение с матерью после восемнадцати, но это он уговорил меня поддерживать связь. Выйдя, отец позвонил и пересказал разговор.

Я тут же набрал мать, но попал на автоответчик, где оставил гневное сообщение.

После этого тётя с матерью перестали приезжать по средам. Но мы продолжали видеться через выходные.

Учёба шла нормально. Я занимался самостоятельно, планировал время. Тихая обстановка помогала. Мне нравилась эта независимость.

Со стороны матери: она подала ходатайство о моём помещении под простое попечительство, о котором ранее говорила адвокат. Простое попечительство подразумевает назначение куратора, контролирующего важные личные

решения подопечного. Для покупки или продажи имущества требуется его разрешение. Куратор должен присутствовать при заключении брака.

Мать оправдывала это «защитой от отца». По её тогдашним словам, он якобы был «хищником», который собирался украсть мою компенсацию. Абсурдное заявление.

Я сразу вспомнил инцидент в машине тёти годы назад, когда та начала встречаться со своим нынешним партнёром. Мать уже тогда назвала его

«хищником» мол, он хочет украсть её наследство.

Я реже виделся с друзьями, больше занимался. В конце года успешно сдал ВЕР.

Предстояло сменить лицей: я выбрал профессиональный бакалавриат, требующий перевода в другой интернат в Авалов, городок южнее Озера. Интернат там был меньше, атмосфера ещё приятнее. Преподаватели в основном сильнее парижских.

Меня поселили в трёхместной комнате с учеником профлицея и обычного. Сразу сложились хорошо. В классе тоже царила доброжелательность. Дорога на поезде удлинилась с 1,5 до 2,45 часов с пересадкой. Читал в пути.

Тогда же пришлось нанять адвоката против абсурдного ходатайства матери.

Однажды вечером мы с отцом встретились с адвокатом возле Дома инвалидов. Описали ситуацию и семейный контекст её заявления. Адвокат молча слушала, затем достала из ящика записи и просмотрела их. Мы с отцом переглянулись: неужели ей скучно?

Она подняла голову, переспросила имя матери, посмотрела на меня и сказала, что принимала её неделю назад. По словам адвоката, мать нарисовала катастрофический портрет и меня, и отца. Раз она уже

консультировала мать, то не может представлять мои интересы. Однако дала контакты своей коллеги.

Мы вышли от неё, поражённые вдвойне. Во-первых, случайно столкнулись с бывшей адвокатом моей матери. Во-вторых, узнали, что она описывает меня как человека, совершенно лишённого рассудка. Впоследствии мне не раз доводилось наблюдать, как адвокаты матери буквально теряли дар речи при личной встрече, осознавая разницу между реальностью и тем карикатурным образом, который они рисовали на судебных заседаниях.

Я встретился с адвокатом, координаты которой получил, и она взяла моё дело. Её офис находился в 18-м округе, квартал Пигаль. Спустя некоторое время она назначила встречу для ознакомления с материалами дела. Придя, я получил пачку документов и быстро их просмотрел. Это были шесть характеристик, написанных друзьями и знакомыми моей матери.

Три имени мне были знакомы: Бенуа сожитель матери, Жильбер партнёр тёти и ещё один их общий друг. Остальные три имени ничего мне не говорили.

В характеристиках меня называли алкоголиком, бесхарактерным, ведомым, зависимым и тому подобное. Утверждалось, будто «мой отец носит мою одежду», что «моя подруга детства Люси дурно на меня влияет» или что «у меня поведение алкоголика». Всё это было полным абсурдом, ведь в то время я пять дней из семи проводил в интернате, а позже работал в охране. Явное доказательство того, что цель была очернить, даже без малейших оснований.

После прочтения я был в шоке. Я знал, что мать лгала на отца во время развода, но теперь она лгала на собственного сына. Публично поливала грязью, как делала это годы назад с отцом. Это было возмутительно и скандально. Всё из-за того, что она не смогла смириться с тем, что в шестнадцать я ушёл жить к отцу. Постыдно и шокирующе.

Тогда я оставил голосовое сообщение сожителю матери, сказав, что ему лучше избегать встреч со мной. С тех пор я ни разу не видел его по выходным у матери.

Моя адвокат велела собрать такое же количество характеристик, чтобы опровергнуть материнские. Я выбрал пятерых друзей военных или бывших военных и подругу детства Люси. Не давал им никаких указаний, что писать просто попросил изложить своё мнение.

В тот же год меня вызвали в специализированный центр в 20-м округе, занимавшийся делами взрослых под попечительством. Там я познакомился с женщиной, назначенной моей кураторшей.

Мать добилась моего помещения под простое попечительство. Эта женщина долго беседовала с ней, а затем вызвала меня с отцом. Подобные встречи повторялись в течение года во время школьных каникул.

В середине учебного года я сказал отцу, что этот фарс должен прекратиться мера абсолютно бессмысленная и чрезмерно жёсткая.

Параллельно я продолжал видеться с матерью по выходным, и атмосфера становилась всё более накалённой.

Мать узнала, что я хочу отменить эту меру.

Моя адвокат позвонила сообщить, что мать теперь требует усиленного попечительства, чтобы заблокировать моё ходатайство о снятии. Разница между режимами в том, что при усиленном попечительстве куратор получает право распоряжаться доходами подопечного, помимо всех ограничений простого попечительства.

Адвокат также попросила прийти ознакомиться с новыми материалами дела. Я осознал, что мать и тётя погрузились в немыслимое безумие. Я предупредил отца: если это произойдёт, я откажусь работать, пока нахожусь под такой мерой. Для меня было неприемлемо трудиться, чтобы кто-то другой контролировал мой заработок.

Я закончил учебный год и перешёл в выпускной класс.

Летом получил повестку на заседание суда, назначенное на второй понедельник сентября.

Так начался мой второй год интерната в Аваллоне: первая неделя сентября прошла в ожидании предстоящего визита к судье в Париже.

В интернате мне выделили отдельную комнату с чуть более строгим распорядком, чем в прошлом году. Мне нравилась эта независимость в стенах общежития.

По моей просьбе, на выходные перед заседанием я остался у матери хотел оценить её настроение. Атмосфера была напряжённой, но без скандалов; в субботу и воскресное утро я снова занимался с её преподавателями. В воскресенье мы пообедали в ресторане с её сестрой.

В повестке значилось явка в трибунал малой инстанции 13-го округа утром в понедельник. Суд размещался в здании районной мэрии в трёх минутах ходьбы от дома отца.

Я пришёл один, заранее, чтобы встретиться с адвокатом. Мать появилась спустя несколько минут со своим юристом; я издал кивнул ей.

Заседание проходило в маленьком кабинете на первом этаже мэрии. Судья, похоже, не знала, какую позицию занять. Она констатировала семейный конфликт и неординарность тре-

бований. Мать подала ходатайство: просила назначить мне психологическую экспертизу. Судья удовлетворила просьбу.

Моя адвокат тоже выдвинула условие чтобы эксперт работал ближе к моему интернату, избавив меня от лишних поездок в Париж. Судья без возражений согласилась.

Затем судья попросила мать выйти, чтобы проверить подписной лист адвокатов. Обнаружилось, что адвокат матери поставила подпись в графе

моего юриста она заранее ознакомилась с делом и подписалась вместо моей. Судья велела мне выйти в коридор, пока она будет отчитывать ту адвокатшу. Моя защитница возразила: раз мать уже в коридоре, оставлять нас наедине без адвокатов плохая идея. В итоге судья устроила разнос при мне.

Тем же вечером я ехал обратно в интернат. Решил больше не навещать мать. Отец не стал уговаривать поддерживать с ней связь.

Незадолго до моего дня рождения мать позвонила спросить, что я хочу на двадцатилетие. Я ответил, что её подарки мне не нужны, и бессмысленно затевать суд, параллельно делая презенты. Её реакция меня ошеломила.

Прямо так и заявила: «Суд тебя не касается, это взрослые разборки».

Это доказывало: спустя двенадцать лет после развода она по-прежнему стремилась навредить отцу, совершенно не думая о последствиях для моей жизни ведь под попечительство попадал не он, а я. Более того, она всё ещё не считала меня взрослым. В двадцать лет такие слова особенно «приятны».

Меня также шокировало, что её сестра не просто не останавливала мать, но активно помогала ей в этом. Оглядываясь назад, можно задаться вопросом: кто на самом деле дергал за ниточки и кем из двух сестер манипулировали, возможно, до сих пор.

Месяцы шли, я продолжал учёбу. На выходных по-прежнему встречался с друзьями в Париже.

Для профессионального бакалавриата требовалась практика на предприятиях мне разрешили проходить её в Париже.

Пришла повестка к психологу-эксперту в Осере. В день приёма передо мной сидела женщина лет сорока. Она попросила объяснить цель визита и предложила ответить на ряд вопросов.

Через два часа я уже сидел в поезд обратно в валлонский интернат на занятия.

Заключение эксперта пришлось ждать несколько недель. В отчёте она указала на бесполезность попечительства в моём случае.

Адвокат ознакомил меня с выводами. Судья оперативно отменила попечительство. Вскоре я узнал: мать наняла нового адвоката для апелляции. Стало ясно предстоит новое заседание, жду очередной повестки.

Тем временем готовился к экзаменам на бакалавриат. Письменные испытания проходили в другом городе Бургундии, нежели интернат. Для

защиты практики тоже пришлось ехать отдельно. Отец взял отпуск в конце июня и сопровождал на каждую поездку.

В начале июля получил результаты бакалавр был мой. Июль провёл в Париже, а весь август гостил у друзей в Квебеке.

Глава

**6:
Выигранный
процесс
и
первые
шаги
в
профессии**

По возвращении в Париж друг представил меня своему работодателю для трудоустройства в частной охране. Я горел желанием работать. Прошёл спецподготовку, подал в парижскую префектуру заявку на профессиональную карту для этой деятельности.

Начинал с работы на мероприятиях. Коллеги бывшие военные, в основном экс-легионеры из Восточной Европы сразу приняли меня за своего. Общение с этими повидавшими виды людьми доставляло удовольствие.

Работали сутками, особенно во время выставок в выставочном центре Порт-де-Версай. Дежурили на монтаже, самом мероприятии и демонтаже. Но энтузиазм не иссякал, атмосфера в коллективе была здоровой.

Получил повестку в Апелляционный суд Парижа, расположенный в здании суда в центре города. Взял отгул на заседание.

Отец поехал со мной. В холле у зала заседаний, у вершины центральной лестницы, встретились с адвокатом. Мать с её защитником стояли в другом конце. Ждали вне зала суда.

Секретарь пригласила внутрь и рассадил: мы с адвокатом слева, мать с её юристом справа. Отец сел позади меня на скамью для публики. Перед нами новая судья. Как полагается в апелляции, она заседала не одна, а с двумя коллегами.

В ходе заседания мы с адвокатом заметили: судья слабо ориентируется в материалах дела. Судью быстро завертели вокруг пальца адвокаты моей

матери. Когда моя защитница ссылалась на конкретные документы, судья их не знала и с трудом находила, после чего задавала мне вопросы не по существу.

Мать снова воспользовалась моментом, чтобы запросить новую психологическую экспертизу. Судья опять согласилась. Мать также потребовала, чтобы я предоставил документы на парижскую студию, купленную мной. С какой стати? Просто чтобы удостовериться, что она оформлена на меня, а не на отца. Судья отказала. Тогда мать попросила суд обязать меня сообщить ей новый номер телефона снова отказ.

Мы вышли из зала с горьким осадком, гадая, сколько ещё это продлится.

В тот же вечер я вышел на ночную смену. Некоторым коллегам рассказал о ситуации они были шокированы. Не понимали, как мать, Елена, может так поступать. В их странах подобное было немыслимо.

Пришла новая повестка на психологическую экспертизу. Зафиксировал дату и адрес.

Взял утро отгула на обследование в 19-м округе. Пожилой психолог задал серию разносторонних вопросов и через три четверти часа отпустил. Выходя, я не знал, что думать об этих визитах.

Работал в прежнем режиме дневные смены, ночные дежурства.

Позже адвокат сообщила: получено заключение психолога. Как и в первом случае, эксперт подтвердил отсутствие необходимости в попечительстве, инициированном на фоне тяжёлого семейного конфликта.

В этот период мать порвала с Бенуа. Позже Адель за обедом рассказала о распускаемых ею слухах: якобы её друг хотел заселиться в мою бывшую комнату. Для неё это было невыносимо. Лично я в эту историю не верил, знал, где Бенуа живёт и работает. От его дома до работы было меньше двадцати минут, тогда как от маминого больше часа. Зачем ему переезжать? Странно.

Вскоре Бенуа сам мне позвонил. Из любопытства ответил. Он хотел встретиться лично. Удивлённо напомнил, что не испытываю к нему симпатий. Он настоял, и я согласился на кофе.

Встретились днём в кафе у площади Монж в 5-м округе. Едва усевшись, он взволнованно заговорил. Я слушал внимательно. Он признался, что мучается угрызениями совести после подписания показаний для Елены. Рассказал, как после визита к мамину другу его стало грызть сомнение. Тогда он спросил того, когда и где тот со мной знакомился. Друг матери, составлявший

показания, поднял голову и сказал, что никогда меня не видел.

Бенуа сделал паузу и признался: это его потрясло. В машине на обратном пути он высказал матери, что поддельные показания от незнакомых со мной людей это неприемлемо. Он добавил, что, если так продолжится, она меня

окончательно потеряет. Мать резко оборвала с ним все отношения после этих слов.

Бенуа признался, что был шокирован её поведением и теперь мучается угрызениями совести написал те показания лишь чтобы угодить моей матери. Теперь он понимал, что выглядел полным дураком.

Я ответил, что его история вполне в духе матери и звучит правдоподобно. Он посмотрел на меня и предложил составить новые показания в мою пользу.

Сначала удивившись, я предупредил: давать противоречивые свидетельские показания по одному делу это риск уголовного преследования за

лжесвидетельство. Он сказал, что готов пойти на этот риск. Договорились.

Через несколько дней я получил его письменные показания почтой и передал адвокату. Та была поражена, но обрадована такому повороту.

Лично мне хотелось бы видеть лицо матери, когда её адвокат зачитает эти показания.

На следующем заседании апелляционного суда судья, наконец, ознакомилась с материалами дела. Она реагировала на доводы, тогда как адвокат матери буквально растерялся перед показаниями Бенуа. Тот чёрным по белому написал, что солгал по просьбе матери. Это подрывало доверие ко всем

остальным её доказательствам. Судья постановила отменить попечительство.

В холле суда адвокат матери спросил, могу ли я принять её. Я согласился при условии, что моя защитница останется рядом. Мать подошла в слезах: «Ты можешь приходить ко мне когда захочешь». Я сухо ответил: «До свидания, хорошего дня».

Выйдя из здания суда под ярким солнцем, я испытывал странную смесь чувств. Радость от победы в ненужном мне процессе и горечь. Двое самых близких людей по материнской линии без колебаний бросили меня в грязь, выставив неполноценным, ради какой-то мутной мести. И какой ценой? Мои судебные издержки превысили 10 000 евро. Страшно подумать, сколько потратила мать, сменив нескольких адвокатов. Хуже того наши отношения

оказались окончательно разрушены, ведь мать продолжала следовать указаниям тётки.

Я ещё несколько месяцев проработал в той же охранной компании, затем

уволился. Приобрёл щенка английского бульдога и показал отцу. Он сначала настороженно отнёсся всегда боялся собак, но потом привык.

Летом 2012-го мы с отцом после четырёхлетнего перерыва наконец съездили в совместный отпуск: неделя в Норвегии, неделя в Испании и несколько дней в Париже.

По возвращении я устроился в другую охранную фирму.

Жил в маленькой студии в 13-м округе недалеко от отца. Работа начала казаться рутинной. Задумался о смене профессии и поиске курсов переквалификации.

После суда с матерью мы с Аделью стали регулярно встречаться за ланчем. Она понимала ситуацию, но не осуждала никого. Всегда была готова выслушать и поддержать. Мы часто обедали в районе Оперы.

В июне 2014 года мне захотелось снова увидеть мамину собаку. Я связался с тётей Жизель. От подруги Адели узнал, что та недавно участвовала в радиопередаче это давало повод для звонка. Однажды утром я позвонил тёте, сказал, что слышал её в эфире, и предложил встретиться за ланчем. Она назначила встречу на следующей неделе контакт возобновился.

В день встречи мы увиделись у её кабинета. Не зная, о чём говорить, поддерживали светскую беседу.

Через две недели я снова позвонил тёте: можно ли навестить собаку у матери, не встречаясь с ней самой? Она сообщила, что пёс умер за неделю до моего звонка. Мы взяли его пятилетним из приюта Общества защиты животных, а скончался он у мамы в восемнадцать лет.

Ещё через несколько недель я сам предложил матери встретиться. Визит состоялся в медицинском кабинете тётки. Мать плакала от радости при встрече, я же был напряжён и нервничал.

В сентябре 2014-го я начал обучение на ассистента ветеринара. Преподавали практикующие ветеринары. Повторять анатомию было непросто, учитывая мои школьные оценки по биологии. Зато практика в ветеринарных клиниках доставляла удовольствие. Я проходил стажировки в медкабинетах, клиниках и даже в центре экстренной помощи под Парижем.

В этот период контакты с тётей и матерью стали регулярнее. Мы встречались в кафе или ресторанах. Мать по-прежнему находилась под жёстким контролем сестры.

Тем временем у меня начался конфликт с управляющей компанией из-за протечки в двух стенах моей студии. В управдоме утверждали, что причина сырости недостаточная вентиляция. После проверки выяснилось: фасад не ремонтировали с 1970-х, и трещины действительно были. Месяцы бесплодных переговоров выводили меня из себя.

В июне я сдавал экзамен на ассистента ветеринара, но провалился из-за низкого балла в решающем тесте с выбором ответов. Решил с сентября 2015-го начать более короткий курс стать кинологом. Мечтал о собственном деле и объявил отцу, что ищу дом в пригороде Парижа. Квартиры и управляющие компании мне осточертели.

Курсы кинолога проходили в Вильпаризи. Мы обучались на собаках клиентов под руководством наставника. В группе было трое учеников, занятия шли со вторника по субботу. В

итоге я сдал экзамен и получил свидетельство о праве на работу с домашними животными (специализация — собаки).

Глава

7:

Смена

обстановки

В начале 2016 года я продолжил поиски дома в парижском пригороде и остановился на городке в 80 км от столицы. Подписал предварительный договор купли-продажи, параллельно продав студию в Париже.

Одновременно начал оформлять документы для регистрации бизнеса планировал начать работать кинологом сразу после переезда. Отец предложил помощь с покупкой дома, и мы создали гражданскую компанию по управлению недвижимостью. Именно тогда всплыли старые проблемы.

Действительно, когда мы подали документы нотариусу для создания гражданской компании, он сообщил, что в моём свидетельстве о рождении указан номер, свидетельствующий о том, что в прошлом на меня было наложено попечительство.

Нотариус разъяснил, что я не смогу зарегистрировать коммерческую фирму, пока этот номер значится в документе. Я смотрел на неё в шоке. Прошёл обучение, одновременно веду две сделки с недвижимостью и вдруг всё

может рухнуть: ни бизнеса, ни работы.

Я позвонил тёте и объяснил ситуацию. Хотел, чтобы она осознала серьёзность последствий своих действий. Её неожиданная реакция меня не удивила она никогда не задумывалась о последствиях.

Когда мать инициировала эту процедуру, она попросила своего сожителя солгать обо мне. Ни она, ни тётя не подумали, как это отразится на моём будущем.

Жизель сказала не волноваться она всё уладит. Я ответил, что у неё есть четыре месяца до следующего визита к нотариусу. Она решила сыграть в

«поджигателя-пожарного»: сначала устраивает пожар (роль

«преследователя»), затем тушит его («спаситель»). Мне это не нравилось, но проблему она устранила.

На следующей встрече с тётей и матерью в ресторане 13-го округа атмосфера была накалённой. Мать отвела меня в сторону и заявила, что судебное дело меня не касается это «взрослые проблемы». Она не осознавала тяжести содеянного и не собиралась отвечать за последствия. Ослеплённая ненавистью к бывшему мужу, которую в неё вбивала сестра, она забыла о собственном сыне.

Через несколько месяцев проблема решилась. Тётя нашла среди своих клиенток адвоката, которую оплатила, чтобы через административные органы убрать номер из моего свидетельства. Она мастерски сыграла в

«поджигателя-пожарного»: сначала создала проблему, затем её устранила. В треугольнике Карпмана она перешла из роли «преследователя» в желанную для себя роль «спасителя».

Летом 2016 года я завершил переезд из Парижа.

Начал работать, постепенно обзаводясь клиентурой. Раскрутиться и создать базу клиентов оказалось крайне сложно. Нужно было заявить о себе всем, кто связан с кинологией.

Отец приезжал ко мне в новый дом и начал понемногу привыкать к жизни за пределами Парижа.

Иногда я встречался с тётёй и матерью то в Париже, то у меня. Так продолжалось до лета 2017 года.

Этим летом я на две недели уехал в одиночку путешествовать по Хорватии и Сербии.

Глава

8: на

восток

В октябре 2017 года я на три дня отправился в Одессу (Украина).

Там я познакомился с женщиной по имени Ольга. Брюнетка с каре и зелёными глазами. Мы много времени провели в разговорах. Она жила в центральной Украине, а родилась на востоке страны.

По возвращении мы продолжали общаться в Skype, подолгу беседуя. Она плохо знала французский, но мы находили общий язык и быстро сблизились.

По воскресеньям я по-прежнему встречался с отцом у себя дома, проводили вместе весь день. После обеда обычно гуляли.

С материнской стороны семьи ситуация была иной. Мать начала убеждать себя, что соседи хотят выселить её из квартиры, чтобы завладеть всем

этажом. Она жила на первом. Она объяснила мне и тётё, что соседи якобы травят её собаку, распыляя в подъезде какое-то вещество.

Когда я предложил тётё отвести мать к психологу, она ответила, что это мне нужен специалист. Мол, если я нервничаю из-за её поведения, значит, у меня проблемы. Я парировал, что роли тут не стоит менять местами. Не мне следует обращаться за помощью, чтобы терпеть её неадекватность, а ей чтобы избавиться от паранойи.

Более того, я быстро заметил, что тётя сама подпитывала мамины страхи. Вместо того чтобы успокоить, она раздувала её подозрения, будто соседи следят и хотят выжить.

В октябре-ноябре 2017 года тётя с матерью стали иногда приезжать ко мне на пару дней с ночёвкой. Примерно тогда же у меня начались череды ночных кошмаров. Лишь спустя время я осознал, что первые приступы совпали с их визитом.

С Ольгой мы договорились о новой встрече, теперь во Франции. Она взяла двухнедельный отпуск и прилетела 31 декабря 2017 года.

В день прилёта я ждал её в аэропорту Шарль-де-Голль. На такси добрались до Парижа, затем на поезде ко мне. Она осмотрела дом, комнату за комнатой. Отпраздновали Новый год вместе.

Две недели пролетели незаметно: музеи Парижа и Версаля, долгие разговоры. Я познакомил её с отцом, дядей и тётёй. Рискнул даже представить матери к удивлению, всё прошло гладко. Мать выглядела

уставшей; я узнал, что ей недавно сделали операцию на глазах, решившую серьёзные проблемы. Позже я узнал подробности.

После её отъезда мы запланировали мой визит в Украину на март 2018-го. Два месяца ожидания, два месяца скайп-бесед. Тогда же мы и назначили дату свадьбы.

В тот период я попросил тётю вернуть мою коллекцию комиксов о Тинтине, оставшуюся у матери после моего отъезда в шестнадцать лет. Через время она ответила отказом: мать боялась, что я отдам их отцу. Снова меня лишали вещей и воспоминаний. Пришлось выкупить полное собрание за 100 евро.

Отец по-прежнему приезжал по воскресеньям.

В конце марта я отправился в украинский город, где жила Ольга. Прилетел в Киев, затем четыре часа на автобусе. Две недели знакомился с её семьёй, гуляли по городу, посещали музеи.

Мы назначили свадьбу на сентябрь 2018 года.

По возвращении мне предстояло выбрать место для церемонии, подобрать наряды и составить список гостей.

Отец, услышав новость, сказал, что догадывался. Я начал оповещать родню с его стороны и друзей.

С материнской стороной решил подождать до их следующего визита.

Мы договорились, что они проведут у меня два дня с одной ночёвкой. Я ждал момента за обедом в ресторане, чтобы сообщить новость.

Тётя с матерью обрадовались за меня. Однако я пояснил, что ни одна из них не приглашена из-за прошлых событий. Мать промолчала, как и Жизель в тот момент. Но после обеда и вечером тётя устроила череду скандалов на пустом месте. Она не смогла смириться, во-первых, с исключением из списка, а во-вторых, с тем, что я строю счастье без её участия. Утром сцены достигли

такого накала, что я буквально выставил их за дверь.

Спустя два дня Жильбер, друг тёти, по телефону удивлялся отсутствию приглашения. Как можно плюнуть в лицо человеку и ожидать приглашения на свадьбу? Забавно. Некоторым действительно чужды понятия совести и чести.

Отец, выслушав ситуацию, всё же посоветовал пригласить Жизель для соблюдения формальностей.

Я перезвонил тёте, сообщив, что передумал. Она отказалась, заявив, что не явится без матери, дабы «не предавать». Вопрос решился сам. Сейчас я понимаю: ей просто не хватило духу встретиться с моей отцовской роднёй и друзьями. Вместо честности наспех придуманный предлог.

Я подобрал себе костюм и свадебное платье для невесты. Торжество решили провести в городе за семьдесят километров от моего дома.

Ольга должна была прилететь в середине мая. Она оставалась во Франции три месяца. Мы завершили свадебные приготовления, а свободное время посвятили музеям, которые она ещё не видела.

Затем мы решили на две недели съездить в Украину к её родным, чтобы вернуться за две недели до свадьбы. Это было роковой ошибкой.

Проблема всплыла при регистрации на рейс в Париж в киевском аэропорту. У Ольги потребовали визу. Я попросил пояснений ведь, в отличие от России, для Украины, как я слышал, визовый режим отменён. Оказалось, многие так думают, но отменили лишь визы на срок до трёх месяцев.

Мне пришлось лететь одному. Ольга отправилась на многочасовой автобусный путь к матери.

По возвращении я связался с посольством Франции в Киеве. Неделя переговоров о специальном разрешении для свадьбы и отказ. Пришлось оповещать родных, отменять бронь, уведомлять мэрию и гостей. Ольге предстояло провести в Украине ещё минимум три месяца.

Я остался, чтобы перенести дату и заново всё организовать. Затем на полтора месяца уехал к Ольге, прибыв в середине октября. Мы отметили дни рождения, я впервые увидел зимние украинские пейзажи. Несколько дней

провели в Киеве, который открыл для себя тогда. Сняли квартиру рядом с её матерью, сохранив независимость.

Вернувшись в середине ноября, мы готовили дом к приезду её матери и сестры, сверяли списки подтвердивших гостей.

Свадьба была назначена на субботу, 1 декабря, ранним вечером. Весь тот день лил дождь. После загса мы отправились на банкет. Ужин и вечерние торжества проходили в одном месте большом отеле. Среди гостей были мои родные по отцу, близкие друзья, а также мать и сводная сестра жены.

Через неделю тётя устроила особый ужин в ресторане якобы чтобы порадовать мать. За столом сидели мать, тётя, Адель, мой крёстный и подруга тёти с дочерью. Я был расслаблен, но настороже. Это напоминало театральную постановку, а не семейное застолье. Как можно лгать в глаза и

после этого смотреть человеку в лицо? Как после этого ещё рассчитывать на доверие?

Тёща и свояченица улетели через несколько дней. Интересно, какое впечатление осталось у них от того ужина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.